

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Индекс УДК 159.922.736.3

Код ГРНТИ 15.31.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-119-04-97-109

**А.Н. ВЕРАКСА,
О.В. АЛМАЗОВА,
Д.А. БУХАЛЕНКОВА***

Вклад характера детско-родительских отношений в уровень развития регуляторных функций в старшем дошкольном возрасте

Данное исследование направлено на изучение распределения типов привязанности к матери у современных российских детей и на выявление связи между типом привязанности к матери и уровнем развития регуляторных функций у старших дошкольников ($N=439$). Надёжный тип привязанности к матери определён у 52%, тревожно-амбивалентный — у 18%, тревожно-избегающий — у 22%, а дезорганизованный — у 8% детей. Оценки когнитивной гибкости и поведенческого торможения значимо выше у детей с надёжной привязанностью, чем с тревожно-амбивалентной и тревожно-избегающей. Оценки слухоречевой рабочей памяти значимо выше, а зрительной рабочей памяти значимо ниже у детей с тревожно-амбивалентным, чем у детей с тревожно-избегающим типом привязанности. При выполнении заданий на когнитивное торможение дети с тревожно-амбивалентным типом привязанности чаще прибегают к стратегии «избегания неудач», с избегающим — к стратегии «достижений». Дети с дезорганизованным типом привязанности к матери получили самые низкие оценки по всем заданиям на регуляторные функции.

* **Веракса Александр Николаевич** — академик РАО, доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова.

E-mail: veraksa@yandex.ru

Алмазова Ольга Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: almaz.arg@gmail.com

Бухаленкова Дарья Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-78-30005).

Ключевые слова: привязанность к матери, дошкольный возраст, регуляторные функции, когнитивная гибкость, рабочая память, сдерживающий контроль

В рамках культурно-исторического подхода в психологии считается, что окружающие ребёнка условия играют принципиальную роль в его развитии (Л.С. Выготский, Л.А. Венгер, А.Н. Поддьяков, М.И. Лисина, А.В. Запорожец, Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, Е.О. Смирнова, Н.Е. Веракса и др.). Особенности социальной ситуации развития могут как способствовать психическому развитию ребёнка, так и негативно сказываться на нём. Период дошкольного детства — этап стремительного развития ребёнка, ключевую роль в котором играет его взаимодействие, в первую очередь, с близким взрослым, который, согласно Л.С. Выготскому [1], создаёт особые условия для освоения ребёнком культурного опыта. В дошкольном возрасте круг значимых отношений ребёнка расширяется, в него начинают включаться социальный взрослый (педагог дошкольного образовательного учреждения) и сверстник, прежде всего, как партнёр по играм. Сама образовательная среда становится важной основой для построения социальной ситуации развития ребёнка [2–4]. Изучение связи специфики социальной ситуации развития ребёнка дошкольного возраста с особенностями его психического развития (эмоционального, когнитивного, личностного и регуляторного) остаётся устойчивым направлением исследований в психологии [5, 6]. Одной из основных составляющих социальной ситуации развития дошкольника остаются детско-родительские и прежде всего детско-материнские отношения. Важной характеристикой детско-материнских отношений является тип привязанности ребёнка к матери [7].

Основные понятия теории привязанности

В середине прошлого века Дж. Боулби ввёл в психологию понятие «привязанность» как базовую онтогенетическую категорию. Хотя и до него психологи, начиная с З. Фрейда, предавали огромное значение ранним отношениям с матерью для последующего развития человека, именно Дж. Боулби при интерпретации этих отношений опирался на общую теорию систем, что позволило представить структуру привязанности как механизм внутренней регуляции поведения ребёнка начиная с самого раннего возраста [8]. Эта регуляторная система с рождения ориентирована на поиск защитной близости, контакта с матерью или заменяющим её взрослым в эмоционально сложной ситуации. У детей система привязанности быстро активизируется в ситуациях опасности, тревоги или просто ощущения дискомфорта. Контакт с матерью или заменяющим её взрослым снимает тревогу и даёт чувство защищённости. Это крайне важно, поскольку только после избавления от переживания опасности, тревоги или боли ребёнок способен переключить своё внимание на окружающий мир и решать задачи по его познанию и освоению, а значит, и своему развитию [8].

В связи с целым рядом условий привязанность приобретает у детей качественно разный характер. В классической теории привязанности принято различать четыре разных типа привязанности: надёжный тип, соответствующий наиболее гармоничному ходу развития ребёнка, два ненадёжных — тревожно-амбивалентный и тревожно-избегающий, а также дезорганизованный, который обычно встречается у детей с нарушениями развития. Первые три типа были выделены коллегой Дж. Боулби М. Эйнсворт, четвёртый — М. Мэйн [9, 10].

При надёжном (безопасном) (В) типе привязанности потребность ребёнка в безо-

пасности полностью удовлетворена, эмоциональный фон отношений с матерью позитивный, взаимодействия характеризуются близостью, теплотой и принятием, познавательная активность ребёнка высокая.

При *тревожно-избегающем* (А) типе привязанности ребёнок ожидает скорее не помощи, а отвержения со стороны взрослого. В связи с этим ребёнок зачастую использует стратегию «избегания». Познавательная активность снижена.

При *тревожно-амбивалентном* (С) типе привязанности ребёнок не уверен в получении помощи и поддержки со стороны взрослого, но в то же время не уверен и в том, что не получит помощи и поддержки. Это приводит к использованию стратегии «цепляния», когда ребёнок не отпускает от себя мать или заменяющего её взрослого. Познавательная активность снижена.

При *дезорганизованном* (D) типе привязанности ребёнок воспринимает мир как враждебный и угрожающий, его поведение можно описать как непредсказуемое и хаотичное.

У детей с первыми тремя типами привязанности (А, В, С) в большей или меньшей степени сформированы адаптивные схемы поведения и картина окружающего мира, в отличие от типа D (дезорганизованного), при котором у ребёнка нет таких схем [9, 11]. Типы А, С и D часто объединяют под одним названием «ненадёжная привязанность».

При изучении привязанности в аспекте культурных особенностей были обнаружены некоторые различия. Как пишет Н.Н. Авдеева: «Значение взаимоотношений привязанности и надёжности привязанности универсальны для всех культур, а культурные различия в классификации привязанностей показывают, как разнообразные тактики воспитания приводят к формированию того или иного вида привязанности. Дискуссионным является вопрос о том, что само понятие надёжной и ненадёжной привязанности варьирует от культуры к культуре» [12, с. 11].

По данным исследований, проведённых 20–30 лет назад, в России у детей с не-

надёжным типом привязанности чаще наблюдается тревожно-амбивалентная и реже тревожно-избегающая привязанность, чем к примеру, у американских и немецких детей [10]. При этом, что касается числа детей с надёжным типом привязанности, их в России не меньше, чем в Америке или Германии. По данным многих исследований доля детей с надёжным типом привязанности в России составляет от 50 до 60%. Вероятно, причина заключается в особенностях эмоционального взаимодействия с детьми. С одной стороны, ценность ребёнка очень высокая. С другой стороны, российские матери сильно фокусируются на социальных требованиях. Кроме того, у российских мам наблюдается определённая «ролевая перегрузка», что является причиной возникновения нехватки ресурсов (физических и эмоциональных), что, в свою очередь, может вызывать амбивалентность в привязанности. При этом мы можем отметить дефицит масштабных современных исследований привязанности к матери в нашей стране.

Регуляторные функции и тип привязанности к матери в старшем дошкольном возрасте

Убедительно показано, что регуляторные функции (РегФ) не только играют важную роль в познавательном и эмоциональном развитии дошкольников, но и являются значимым предиктором успешной адаптации и обучения детей в начальной школе (см., например, [13]).

В рамках исследования мы опирались на модель РегФ А. Мияке и его коллег [14]. РегФ авторы модели понимают как группу когнитивных навыков, которые способствуют целенаправленному решению человеком задач и помогают адаптироваться в разных ситуациях. Согласно модели А. Мияке, выделяются три основных компонента РегФ: 1) *рабочая память* (способность удерживать, обновлять и использовать для решения поставленной задачи информацию, которая уже не представлена в непосредственном восприятии (зрительная и слу-

ховая)); 2) *сдерживающий контроль*, или торможение (способность торможения доминирующих или импульсивных реакций в пользу требуемого ситуацией поведения); 3) *когнитивная гибкость* (способность переключаться между задачами, правилами, стимулами, мыслями, способами решения, взглядами на ситуацию и т.д.).

Важно заметить, что привязанность к матери изначально рассматривалась авторами как механизм эмоциональной саморегуляции [7, 8]. В связи с чем представляется закономерным предположение о связи типа привязанности к матери и регуляторных функций. Приведём примеры некоторых современных исследований.

На выборке из 62 полных семей с одним ребёнком изучалась связь между типом привязанности ребёнка к матери в 1–2 года и регуляторными функциями в 2–3 года [15]. Было установлено, что надёжная привязанность к матери связана с продуктивностью ребёнка при выполнении заданий на когнитивную гибкость и рабочую память. При этом тип привязанности оказался более сильным фактором, чем вербальные способности ребёнка, социально-экономический статус семьи и родительское поведение.

В другом исследовании на выборке из 120 детей в возрасте 9–13 лет были получены данные о типе привязанности к матери и об особенностях регуляторной сферы детей. Ненадёжность в привязанности к матери оказалась обратно связана с результатами диагностики регуляции детей. Добавление демографических ковариат к анализу существенно не изменило полученные эффекты [16].

В лонгитюдном исследовании А. Бернье с коллегами на выборке 105 диад мать–ребёнок было установлено, что у детей, у которых в возрасте 1,5 и 2 лет был определён надёжный тип привязанности к матери, в возрасте 5–6 лет, по оценкам педагогов, был выше уровень РегФ и меньше проблем в повседневных школьных ситуациях [17]. При этом тип привязанности к матери (надёжный/ненадёжный) имел большую

предсказательную силу уровня развития РегФ, чем социально-экономический статус семьи, возраст, пол и общий уровень когнитивного развития ребёнка.

В исследовании, проведённом на мультикультурной выборке 3349 детей из американских семей, изучалась связь между депрессивными симптомами матери, продиагностированными, когда детям было три года, и регуляторными функциями и поведенческими проблемами детей, измеренными, когда детям исполнилось четыре года [18]. У 36% выборки были выявлены признаки клинической депрессии. Показано, что теплота и привязанность в детско-материнских отношениях, а не другие из рассматриваемых факторов, поддерживают формирующуюся саморегуляцию детей и снижают вероятность раннего возникновения поведенческих проблем у детей в семьях, в которых у матерей наблюдаются депрессивные симптомы.

В большей части проведённых исследований акцент делался на анализе различий в развитии РегФ детей с надёжным и ненадёжным типами привязанности. Отдельно изучаются особенности детей с дезорганизованным типом привязанности, тогда как особенности регуляторного развития детей с тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим типами привязанности рассматриваются меньше.

Целями проведённого исследования выступили определение картины распределения детей с разными типами привязанности на современной российской выборке и проверка наличия связей между типом привязанности к матери и всеми компонентами РегФ (слухоречевая и зрительная рабочая память, когнитивная гибкость, поведенческое и когнитивное торможение) у старших дошкольников.

Методики

Для определения *типа привязанности* к матери была использована методика Н. Каплан [19]. В её основу положено задание составить рассказ, опираясь на серию из восьми картинок, изображающих ситуа-

цию разлуки ребёнка с матерью, улетающей на самолёте: 1) ребёнок с мамой направляются к самолёту; 2) мама стоит у самолёта, а ребёнок машет ей рукой; 3) ребёнок смотрит вслед улетающему самолёту; 4) ребёнок в одиночестве возвращается домой; 5) приходит почтальон и приносит ребёнку посылку; 6) ребёнок открывает посылку; 7) внутри посылки ребёнок обнаруживает игрушечный самолёт; 8) ребёнок грустит, почтальон стоит рядом.

Вначале ребёнку предлагается просто посмотреть на картинки, где нарисована история про одного мальчика (девочку), картинки раскладываются перед ним одна за другой. Далее предлагается рассказать историю по картинкам и объяснить, что происходит. После этого по каждой картинке ребёнка просят сказать, о чём здесь герой думает, какое у него настроение («что он тут чувствует?») и что собирается делать. Дополнительные вопросы: 1) если в посылке будет письмо, то что в нём будет написано; 2) что приснится ребёнку, когда он ляжет спать; 3) что будет, когда мама вернётся.

Для определения уровня развития регуляторных функций были использованы пять методик, показавшие свою эффективность на российской выборке [20]. Четыре из пяти методик являются субтестами нейропсихологического диагностического комплекса NEPSY-II [21], направленного на оценку психического развития детей в возрасте 3–16 лет.

Уровень развития *рабочей памяти* измерялся по двум методикам: субтесты NEPSY-II «Повторение предложений» и «Память на конструирование».

В субтесте «Повторение предложений» используются 17 предложений. Они располагаются в порядке увеличения сложности (предложения становятся и длиннее, и сложнее по структуре). В зависимости от числа ошибок при воспроизведении за каждое предложение ребёнок получает от 0 до 2 баллов. Максимальное число баллов за задание — 34.

При помощи субтеста «Память на конструирование» измерялись два аспекта

зрительной памяти: память на «образы» («Content score» — выбор картинок, как в образце, из массива похожих) и память на расположение («Spatial score» — выбор мест, где были расположены карточки в образце). В результате выполнения методики вычисляются оценки на образы, на расположение и на сочетание образов и расположение. Максимальное число баллов за методики — 120.

Переключение (когнитивная гибкость) и *торможение* диагностировались при помощи следующих методик: Сортировка карт по изменяемому признаку (Dimensional Change Card Sort [DCCS] [22]) и субтесты NEPSY-II «Торможение» и «Статуя».

Методика «Сортировка карт по изменяемому признаку» содержит три серии заданий. В первой ребёнок сортирует предложенные ему 6 карточек по цвету, во второй — 6 карточек по «форме», в третьей серии ребёнок должен, ориентируясь на внешний для цвета или формы стимул, раскладывать 12 карточек либо исходя из формы, либо исходя из цвета объекта на картинке. За каждую правильно разложенную карточку засчитывается 1 балл. Максимальное число баллов — 24.

Методика «Торможение» состоит из двух частей: называние и собственное торможение. Стимульный материал состоит из 40 геометрических фигур (квадратов и кругов) и 40 указателей направления (стрелочки вверх или вниз). На первом этапе ребёнка просят назвать все фигуры (и стрелки) в том порядке, в котором они находятся на карточках. На втором этапе, когда ребёнок видит «круг» он должен сказать «квадрат», а когда видит «квадрат» — «круг» (когда видит стрелку «вниз» сказать «вверх», если «вверх» — «вниз»). Фиксируются время, затраченное на выполнение задания, число допущенных ошибок и самоисправление. Чем меньше результаты по методике (время и ошибки), тем лучше ребёнок выполняет задание.

Методика «Статуя» предлагает ребёнку стоять с закрытыми глазами (держат флаг), сохраняя позу и молчание несмотря на отвлекающие стимулы, в течение 75 секунд. Фиксируются нарушения трёх видов (движения, вербализация и открытие глаз) в каждые 5 секунд. Максимальное число баллов — 30.

Выборка и процедура исследования

В исследовании приняли участие 439 детей (49,1% — мальчики) в возрасте от 5,8 до 7,0 лет ($M = 6,5$; $SD = 0,43$), посещающие подготовительные группы детских садов Москвы. 76,5% растут в семьях, мамы которых оценивают достаток семьи как средний. 71,1% мам имеют высшее образование.

Все задания выполнялись в тихом изолированном помещении в детском саду, в котором обучался ребёнок. С каждым ребёнком были проведены три встречи продолжительностью 15–20 минут. При выполнении ребёнком задания по методике Н. Каплан велась аудиозапись. После выполнения каждой пробы три эксперта независимо друг от друга по стенограмме делали вывод о типе привязанности ребёнка к матери. При необходимости эксперты обращались к аудиозаписям интервью.

Исследование было одобрено Этическим комитетом факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (№ 2023/18).

Результаты исследования

Тип привязанности ребёнка к матери

Со всеми вошедшими в выборку детьми были проведены исследования по методике Н. Каплан для определения типа привязанности к матери. Эксперты оценивали тип привязанности к матери, исходя из предложенной автором методики системы оценок:

Для детей с *надёжным* типом привязанности к матери (В) характерна способность к открытому выражению своей грусти, которая возникла из-за разлуки

с матерью; дети демонстрируют способы конструктивного совладания со сложной ситуацией (к примеру, занятие игрушками или прогулки), будущая встреча ребёнка с матерью представляется как радостная.

Для детей с *тревожно-амбивалентным* типом привязанности к матери (С) типичны проявления негативных чувств. Есть склонность обвинять маму, а также приписывать герою истории те или иные формы поведения, показывающего протест.

Рассказы и ответы детей с *тревожно-избегающим* типом привязанности к матери (А) отличаются тенденцией игнорировать содержание, связанное со сложной ситуацией разлуки с мамой. Если герою приписываются негативные эмоции, то их причины не связаны с разлукой с мамой.

У детей с *дезорганизованным* типом привязанности (D) проявляются признаки тревоги, опасений и ожиданий чего-то страшного, что может произойти с матерью или самим героем. Ребёнок зачастую говорит о том, что мама очень долго не вернётся или не вернётся совсем.

В случае несовпадения мнений экспертов (12 стенограмм) о типе привязанности они слушали запись проведения исследования и приходили к единому мнению.

В результате анализа интервью тип привязанности удалось определить у 403 детей. У 36 детей (8,2% от общей выборки) выявить тип привязанности оказалось невозможно, так как ответы этих детей были односложными, однотипными, неразборчивыми.

Распределение детей, у которых тип привязанности был определён, следующее: у 210 детей (52,1%) — надёжный, у 73 (18,1%) — тревожно-амбивалентный, у 87 (21,6%) — тревожно-избегающий и у 33 (8,2%) — дезорганизованный тип привязанности к матери.

В табл. 1 приведено распределение мальчиков и девочек по разным типам привязанности к матери.

При помощи критерия Хи-квадрат выявлено, что тип привязанности к матери и пол не связаны ($\chi^2 = 2,516$; $p = 0,313$; Cramer's V = 0,094).

Таблица 1

**Распределение мальчиков и девочек по разным типам
привязанности к матери**

Пол / Тип привязанности	Надёжный (В)	Тревожно-амбивалентный (С)	Тревожно-избегающий (А)	Дезорганизованный (D)	Всего
Мальчики	101 (50,2%)	32 (15,9%)	49 (24,4%)	19 (9,5%)	201 (100,0%)
Девочки	109 (54,0%)	41 (20,3%)	38 (18,8%)	14 (6,9%)	202 (100,0%)
Всего	210 (52,1%)	73 (18,1%)	87 (21,6%)	33 (8,2%)	

Таблица 2

**Средние и стандартные отклонения оценок разных аспектов РегФ
у детей с разными типами привязанности к матери**

Компонент РегФ / Тип привязанности к матери	Надёжный (В)		Тревожно-амбивалентный (С)		Тревожно-избегающий (А)		Дезорганизованный (D)	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Слухоречевая рабочая память	23,3	4,01	22,1	4,74	20,0	4,32	17,5	4,83
Зрительная рабочая память	95,6	16,51	72,4	14,34	93,4	18,03	67,9	13,06
Когнитивная гибкость	22,3	1,88	19,5	2,47	19,7	2,25	17,6	2,41
Торможение, неисправленные ошибки	2,5	3,85	2,9	6,43	3,9	5,21	5,2	6,37
Торможение, исправленные ошибки	4,0	4,03	4,2	2,75	3,6	2,76	4,5	2,65
Торможение, время	103,3	21,97	112,6	25,06	104,8	19,36	116,8	26,42
Поведенческое торможение	24,2	4,76	22,9	5,57	21,5	6,43	20,0	6,19

Особенности уровня развития регуляторных функций при разных типах привязанности к матери

В табл. 2 приведены средние и стандартные отклонения разных аспектов РегФ у детей с разными типами привязанности к матери. На рис. 1 приведены распределения оценок слухоречевой и зрительной рабочей памяти у детей с разными типами привязанности к матери.

Средние оценки детей с дезорганизованным типом привязанности к матери — самые низкие по всем методикам. В силу разного по численности состава групп детей с разными типами привязанности к матери мы не можем сравнить оценки детей с дезорганизованным типом привязанности с оценками детей с другими

типами привязанности. Однако отметим, что по всем методикам на оценку уровня развития РегФ не менее 70% детей с дезорганизованным типом привязанности к матери показывали результаты, входящие в 10% самых худших по всей выборке.

При помощи t-критерия для независимых выборок было проведено сравнение оценок РегФ двух сопоставимых по численности групп детей:

- детей с надёжным типом привязанности с детьми с тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим типами привязанности;
- детей с тревожно-амбивалентным — с детьми с тревожно-избегающим типом привязанности к матери.

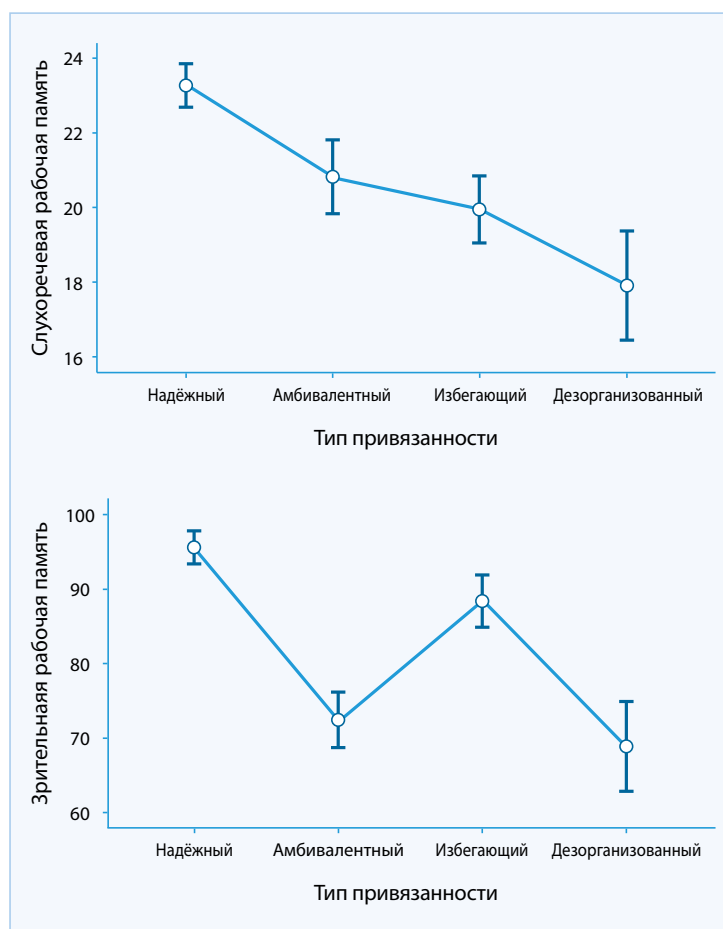

Рис. 1. Распределение оценок рабочей памяти (сверху – слухоречевой, снизу – зрительной) у детей с разными типами привязанности к матери

В табл. 3 приведены результаты этих сравнений.

Дети с надёжным типом привязанности значимо отличаются от детей с тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим типами привязанности оценками когнитивной гибкости, слухоречевой рабочей памяти и поведенческого торможения.

У детей с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери значимо выше оценки слухоречевой рабочей памяти и значимо ниже оценки зрительной рабочей памяти, чем у детей с тревожно-избегающим типом привязанности к матери. Кроме того, дети с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери тратят значимо больше времени и допускают значимо меньше ошибок в заданиях на когнитивное торможение,

чем дети с тревожно-избегающим типом привязанности к матери.

Обсуждение результатов

Одной из задач исследования было получение картины распределения типов привязанности к матери (надёжный, тревожно-амбивалентный, тревожно-избегающий и дезорганизованный) у современных российских дошкольников. У 8,2% детей не удалось определить тип привязанности к матери. Среди детей, у которых тип привязанности был установлен у 52,1% – надёжный, у 18,1% – тревожно-амбивалентный, у 21,6% – тревожно-избегающий и у 8,2% – дезорганизованный тип привязанности к матери.

Причины, по которым у 8,2% детей не удалось определить тип привязанности к матери, скорее всего, следующие: недостаточный словарный запас, непонимание сюжета истории или просто недостаточная включённость в задание. В разных исследованиях с применением этой методики не удавалось определить тип привязанности к матери у 7–12% детей старшего дошкольного возраста [19, 23].

Распределение детей по разным типам привязанности несколько отличается от того, которое описывали российские авторы 10–15 лет назад (см., например, [8, 12, 23]). Так, наблюдается увеличение числа детей с тревожно-избегающим и уменьшение числа детей с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери, что может быть связано, к примеру, с большей ориентацией современных матерей на профессиональную карьеру, а не семейную жизнь [24].

Классическим и полученным во множестве предыдущих исследований (см., например, [8]) является отсутствие значимых различий в распределении привязанности к матери у мальчиков и девочек. При этом

Таблица 3

**Результаты сравнения оценок компонент РегФ у детей
с разными типами привязанности к матери**

Компонент РегФ / Тип привязанности к матери	Надёжный (В) (N=210) / Тревожно-амбивалентный (С) и Тревожно-избегающий (А) (N=160)			Тревожно-амбивалентный (С) (N=73) / Тревожно-избегающий (А) (N=87)		
	t	p	Коэф d	t	p	Коэф d
Слухоречевая рабочая память	2,617	0,009	0,28	1,748	0,035	0,42
Зрительная рабочая память	0,795	0,446	0,08	-5,997	<0,001	-0,97
Когнитивная гибкость	12,352	<0,001	1,30	-0,478	0,633	-0,08
Торможение, неисправленные ошибки	-0,885	0,395	-0,09	-1,687	0,043	0,37
Торможение, исправленные ошибки	-0,261	0,794	-0,03	0,381	0,704	0,07
Торможение, время	-0,984	0,366	-0,10	1,837	0,015	0,54
Поведенческое торможение	2,798	0,005	0,29	1,548	0,124	0,23

у мальчиков с ненадёжным типом привязанности прослеживается склонность иметь тревожно-избегающий, а у девочек — тревожно-амбивалентный тип привязанности к матери.

Основной целью проведённого исследования была проверка связи между типом привязанности к матери и РегФ в старшем дошкольном возрасте.

Дети с дезорганизованным типом привязанности показали самые низкие результаты по методикам, направленным на диагностику РегФ, что ещё раз подчёркивает важность специального психолого-педагогического сопровождения этих детей.

Если говорить о различиях в уровне развития РегФ у детей с надёжным и двумя ненадёжными (тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим) типами привязанности, то полученные данные показывают, что у детей с надёжной привязанностью когнитивная гибкость и поведенческое торможение развиты лучше, чем у детей с остальными нормативными типами привязанности. В основе когнитивной гибкости лежит способность к «децентрации», т.е. к преодолению

познавательного эгоцентризма, что является одной из центральных, можно сказать, определяющих, линий развития дошкольников ([25] и др.). Полученные нами данные согласуются с результатами исследований, в которых изучалась роль привязанности к матери и близким к ней конструктам в развитии РегФ в старшем дошкольном возрасте [например 15, 26]. Отсутствие различий в оценках рабочей памяти объясняется тем, что мы проводили сравнение после исключения из выборки с ненадёжной привязанностью детей с дезорганизованным типом привязанности к матери.

Интересными представляются различия, полученные при сравнении РегФ детей с тревожно-амбивалентным и тревожно-избегающим типами привязанности к матери. Так, у детей с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери значительно лучше развита слухоречевая и значительно хуже — зрительная рабочая память, чем у детей с тревожно-избегающим типом привязанности к матери. Это позволяет предположить, что дети с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери, используя

стратегию «цепляния», сильно ориентируются на речь значимых взрослых, очень «настроены» на неё, что позволяет им лучше развивать слухоречевую рабочую память. Тогда как дети с тревожно-избегающим типом привязанности к матери, реализуя стратегию «избегания», начинают сильнее ориентироваться на зрительные стимулы.

Полученные результаты позволяют говорить ещё и о разных стратегиях выполнения заданий на торможение. Так, дети с тревожно-амбивалентным типом привязанности к матери затрачивают значимо больше времени на выполнение заданий, но допускают при этом значимо меньше неисправленных ошибок, чем дети с тревожно-избегающим типом привязанности к матери, что говорит о тенденции одних детей использовать стратегию «избегания неудач», а других — стратегию «достижений».

Все дети, принявшие участие в исследовании, — воспитанники подготовительных групп детского сада, т.е. подавляющее большинство из них посещают дошкольное образовательное учреждение не менее трёх лет. Несмотря на систематическое обучение и нахождение в группе сверстников и с педагогом (социальным взрослым) на протяжении этого времени, выявлены различия в уровне развития РerФ у детей с разными типами привязанности к матери. Это ещё раз показывает важность более раннего воз-

раста и необходимость учёта типа привязанности к матери для построения индивидуальных образовательных маршрутов детей, способствующих гармоничному развитию.

Ограничения исследования

Одним из основных ограничений исследования является его «срезовой» характер. Безусловно, выводы, полученные в данном исследовании, необходимо подтвердить с помощью лонгитюдного исследования.

Ещё одним ограничением исследования является не учёт дополнительных характеристик (состав семьи, sibлингвая позиция, качество образовательной среды, посещение дополнительных занятий, особенности взаимодействий с цифровыми устройствами и т.д.).

В России растёт число семей, где отец становится либо основным родителем, занимающимся воспитанием ребёнка, либо с первых дней жизни ребёнка начинает выполнять те же функции, что и мать. Поэтому необходимо определять тип привязанности и к одному, и к другому родителю, чтобы получить более полную картину влияния этого конструкта на дальнейшее развитие человека.

Все указанные ограничения можно рассматривать как направления дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983.
2. Veraksa A.N., Sidneva A.N., Aslanova M.S., Plotnikova V.A. Effectiveness of Different Teaching Resources for Forming the Concept of Magnitude in Older Preschoolers with Varied Levels of Executive Functions // Psychology in Russia: State of the Art, 2022, 15 (4), 62. DOI: 10.11621/pir.2022.0405.
3. Bukhalenkova D., Almazova O., Aslanova M. Similarities and differences between CLASS and ECERS-R estimates of educational environment quality // Front. Psychol., 2023, 14, 1253154. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1253154.
4. Якшина А.Н. Разновозрастные группы в детском саду: возможности и риски для развития дошкольников // Современное дошкольное образование. 2022. № 1 (109). 4. DOI: 10.24412/1997-9657-2022-1109-4-14.
5. Веракса А.Н., Куриленко В.Б., Новикова И.А. Феноменология детства в современных контекстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20. № 3. 419. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-3-419-430.

6. Карабанова О.А. Современное детство и дошкольное образование – на защите прав ребёнка: к 75-летию со дня рождения Е.О. Смирновой // Национальный психологический журнал. 2022. № 3 (47), 60. DOI: 10.11621/npj.2022.0308.
7. Микулинджер М., Шейвер Ф.Р. Привязанность у взрослых: структура, динамика и изменения. СПб.: ООО «Диалектика», 2023.
8. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
9. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, N.J., Erlbaum, 1978.
10. Main M., Cassidy J. Categories of response to reunion with the parent at age 6: predictable from infant attachment classifications and stable over a 1-month period // Developmental Psychology, 1988. 24, 415.
11. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике. М.: Когито-Центр, 2014.
12. Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2, 7.
13. Mattera S., Rojas N.M., Morris P.A., Bierman K. Promoting EF With Preschool Interventions: Lessons Learned From 15 Years of Conducting Large-Scale Studies // Front. Psychol., 2021, 12, 640702. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.640702.
14. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // Cognitive Psychology, 2000. 41, 49.
15. Bernier A., Carlson S.M., Deschênes M., Matte-Gagné C. Social factors in the development of early executive functioning: a closer look at the caregiving environment // Developmental science. 2012. 15 (1), 12–24. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2011.01093.x.
16. Heylen J., De Raedt R., Verbruggen F., Bosmans G. Attachment and self-regulation performance in preadolescence // Journal of Social and Personal Relationships. 2017. 36 (2). DOI: 10.1177/0265407517742531.
17. Bernier A., Beauchamp M.H., Carlson S.M., Lalonde G. A secure base from which to regulate: Attachment security in toddlerhood as a predictor of executive functioning at school entry // Developmental Psychology. 2015. 51 (9). 1177. DOI: 10.1037/dev0000032.
18. Baker C.E., Brooks-Gunn J., Gouskova N. Reciprocal Relations Between Maternal Depression and Child Behavior Problems in Families Served by Head Start // Child Development. 2020. 91, 1563. DOI: 10.1111/cdev.13344.
19. Jacobsen T., Edelstein W., Hofmann V.A. Longitudinal Study of the Relation Between Representations of Attachment in Childhood and Cognitive Functioning in Childhood and Adolescence // Developmental Psychology. 1994. 30 (1), 112. DOI: 10.1037/0012-1649.30.1.112.
20. Веракса А.Н., Алмазова О.В., Бухаленкова Д.А., Якупова В.А. Развитие саморегуляции у дошкольников: Методическое пособие. 5–7 лет. М.: Мозаика-Синтез, 2019.
21. Korkman M., Kirk U., Kemp S.L. NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.
22. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // National Protocols, 2006, 1, 297.
23. Бурменская Г.В. Методики диагностики привязанности к матери в дошкольном и младшем школьном возрасте // Психологическая диагностика. 2005. № 4, 5.
24. Sobkin V., Kalashnikova E.A. New Ideas in Child and Educational Psychology. 2023. 3 (1–2). 3–26. DOI: 10.11621/nicp.2023.0401.
25. Веракса Н.Е., Алмазова О.В., Тарасова К.С. Диалектическое и формально-логическое мышление старших дошкольников // Российский психологический журнал, 2022, № 19 (2), 129. DOI: 10.21702/rpj.2022.2.10.
26. Руднова Н.А., Корниенко Д.С., Гаврилова М.Н., Шведчикова Ю.С. Родительские убеждения как фактор когнитивного и социально-эмоционального развития ребёнка // Вестник Московского университета. Серия XIV. Психология. 2024. № 47 (2). 134. DOI: 10.11621/LPJ-24-18.

The Contribution of the Character of Child-parent Relationships to the Level of Development of Regulatory Functions in Senior Preschool Age

Alexander Nikolaevich Veraksa – DSc (Psychology); Head of the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: veraksa@yandex.ru

Olga Viktorovna Almazova – PhD (Psychology); Associate Professor, Department of Developmental Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: almaz.arg@gmail.com

Daria Alexeyevna Bukhalenkova – PhD (Psychology); Associate Professor, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (MSU).

E-mail: d.bukhalenkova@inbox.ru

This study aims to examine the distribution of attachment types to the mother in modern Russian children and to identify the relationship between the type of attachment to the mother and the level of development of executive functions (EF) in older preschoolers (N=439). A secure type of attachment to the mother was determined in 52%, anxious-ambivalent – in 18%, anxious-avoidant – in 22%, and disorganized – in 8% of children. Assessments of cognitive flexibility and behavioral inhibition are significantly higher in children with secure than with anxious-ambivalent and anxious-avoidant attachment. Assessments of verbal working memory are significantly higher, and visual working memory are significantly lower in children with anxious-ambivalent than in children with anxious-avoidant attachment to mother. When performing tasks on cognitive inhibition, children with anxious-ambivalent attachment more often resort to the strategy of "avoidance of failures", while with avoidant – to the strategy of "achievements". Children with a disorganized type of attachment to their mother received the lowest scores on all tasks for regulatory functions.

Keywords: attachment to mother, preschool age, self-regulation, cognitive flexibility, working memory, self-control

REFERENCES

1. Vygotskii L.S. Sbornik sochinenii: V 6 t. T. 3: Problemy razvitiya psikhiki. M.: Pedagogika, 1983 (in Russian).
2. Veraksa A.N., Sidneva A.N., Aslanova M.S., Plotnikova V.A. Effectiveness of Different Teaching Resources for Forming the Concept of Magnitude in Older Preschoolers with Varied Levels of Executive Functions // Psychology in Russia: State of the Art, 2022, 15 (4), 62. DOI: 10.11621/pir.2022.0405.
3. Bukhalenkova D., Almazova O., Aslanova M. Similarities and differences between CLASS and ECERS-R estimates of educational environment quality // Front. Psychol., 2023, 14, 1253154. DOI: 10.3389/fpsyg.2023.1253154.
4. Yakshina A.N. Raznovostrastnye gruppy v detskom sadu: vozmozhnosti i riski dlya razvitiya doskol'nikov // Sovremennoe doskol'noe obrazovanie. 2022. № 1 (109). 4. DOI: 10.24412/19979657-2022-1109-4-14 (in Russian).
5. Veraksa A.N., Kurilenko V.B., Novikova I.A. Fenomenologiya detstva v sovremennykh kontekstakh // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2023. T. 20. № 3. 419. DOI: 10.22363/2313-1683-2023-20-3-419-430 (in Russian).

6. Karabanova O.A. Sovremennoe detstvo i doskol'noe obrazovanie – na zashchite prav rebyonka: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya E.O. Smirnovoi // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2022. № 3 (47), 60. DOI: 10.11621/npj.2022.0308 (in Russian).
7. Mikulindzher M., Sheiver F.R. Privyazannost' u vzroslykh: struktura, dinamika i izmeneniya. SPb.: OOO «Dialektika», 2023 (in Russian).
8. Boulbi Dzh. Privyazannost'. M.: Gardarika, 2003 (in Russian).
9. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, N.J., Erlbaum, 1978.
10. Main M., Cassidy J. Categories of response to reunion with the parent at age 6: predictable from infant attachment classifications and stable over a 1-month period // Developmental Psychology, 1988. 24, 415.
11. Brish K.Kh. Terapiya narushenii privyazannosti: ot teorii k praktike. M.: Kogito-Tsentr, 2014 (in Russian).
12. Avdeeva N.N. Teoriya privyazannosti: sovremennye issledovaniya i perspektivy // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2017. T. 6. № 2, 7 (in Russian).
13. Mattera S., Rojas N.M., Morris P.A., Bierman K. Promoting EF With Preschool Interventions: Lessons Learned From 15 Years of Conducting Large-Scale Studies // Front. Psychol., 2021, 12, 640702. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.640702.
14. Miyake A., Friedman N.P., Emerson M.J., Witzki A.H., Howerter A., Wager T. The unity and diversity of executive functions and their contributions to complex “frontal lobe” tasks: A latent variable analysis // Cognitive Psychology, 2000. 41, 49.
15. Bernier A., Carlson S.M., Deschênes M., Matte-Gagné C. Social factors in the development of early executive functioning: a closer look at the caregiving environment // Developmental science. 2012. 15 (1), 12–24. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2011.01093.x.
16. Heylen J., De Raedt R., Verbruggen F., Bosmans G. Attachment and self-regulation performance in preadolescence // Journal of Social and Personal Relationships. 2017. 36 (2). DOI: 10.1177/0265407517742531.
17. Bernier A., Beauchamp M.H., Carlson S.M., Lalonde G. A secure base from which to regulate: Attachment security in toddlerhood as a predictor of executive functioning at school entry // Developmental Psychology. 2015. 51 (9). 1177. DOI: 10.1037/dev000032.
18. Baker C.E., Brooks-Gunn J., Gouskova N. Reciprocal Relations Between Maternal Depression and Child Behavior Problems in Families Served by Head Start // Child Development. 2020. 91, 1563. DOI: 10.1111/cdev.13344.
19. Jacobsen T., Edelstein W., Hofmann V.A. Longitudinal Study of the Relation Between Representations of Attachment in Childhood and Cognitive Functioning in Childhood and Adolescence // Developmental Psychology. 1994. 30 (1), 112. DOI: 10.1037/0012-1649.30.1.112.
20. Veraksa A.N., Almazova O.V., Bukhalenkova D.A., Yakupova V.A. Razvitie samoregulyatsii u doskol'nikov: Metodicheskoe posobie. 5–7 let. M.: Mozaika-Sintez, 2019 (in Russian).
21. Korkman M., Kirk U., Kemp S.L. NEPSY II. Administrative manual. San Antonio, TX: Psychological Corporation, 2007.
22. Zelazo P.D. The Dimensional Change Card Sort (DCCS): a method of assessing executive function in children // National Protocols, 2006, 1, 297.
23. Burmenskaya G.V. Metodiki diagnostiki privyazannosti k materi v doskol'nom i mladshem shkol'nom vozraste // Psikhologicheskaya diagnostika. 2005. № 4, 5 (in Russian).
24. Sobkin V., Kalashnikova E.A. New Ideas in Child and Educational Psychology. 2023. 3 (1–2). 3–26. DOI: 10.11621/nicep.2023.0401.
25. Veraksa N.E., Almazova O.V., Tarasova K.S. Dialekticheskoe i formal'no-logicheskoe myshlenie starshikh doskol'nikov // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal, 2022, № 19 (2), 129. DOI: 10.21702/rpj.2022.2.10 (in Russian).
26. Rudnova N.A., Kornienko D.S., Gavrilova M.N., Shvedchikova Yu.S. Roditel'skie ubezhdeniya kak faktor kognitivnogo i sotsial'no-emotsional'nogo razvitiya rebyonka // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XIV. Psikhologiya. 2024. № 47 (2). 134. DOI: 10.11621/LPJ-24-18 (in Russian).